

Всеволод Алферов

Изнанка смерти

*Через дыхание, в час твой хриплый,
через архангельского суда
изгороди... Все уста о шипья
выкровяну — и верну с одра!*
Марина Цветаева

Она угасала медленно и мучительно — так угасает блеклая луна на посветлевшем небе. Так гаснет пурпурное зарево заката, пока его не поглотит ночь. Так долго и так мучительно... порой Хира́му казалось, будто она идет на поправку. Впрочем, он не обманывался. Девушка умирала. И, будь он хоть трижды учеником чародея, он ничего не мог поделать.

В медных жаровнях по сторонам постели курились благовония. Тяжелый терпкий запах пропитал ковры, расшитые подушки, клубами сгустился под потолком. Юноше казалось, что шарлатан-лекарь отпугивает не духов, а его, Хи́рама — чтобы господин маг пореже спрашивал о результатах. Хотя какие результаты? Иные жертвы черепной мухи не выживали и пары дней.

Хирам присел на край постели.

— Кассима́? — негромко позвал он. — Кассима...

Неужели не успел? Ночная скачка, взятка стражникам у городских ворот, двое бессонных суток — неужто все напрасно, и соколы забрали ее в палаты Солнечного Владыки?

— Касс... — начал юноша, когда бледные веки дрогнули.

Так странно и так больно было видеть угольно-черные волосы без вплетенных цветных нитей: потускневшими, как потертый шелк. Так непривычны слезящиеся, не подведенные сурьмой глаза. Хирам вздрогнул. Отвел взгляд. Пересилил себя и вновь взглянул на девушку.

— А я ждала тебя... — слабая улыбка коснулась ее губ. — Хотела сказать, что мне лучше.

— Это хорошо, — среди атласных покрывал юноша отыскал руку и бережно пожал. — Лекарь говорит... — он замялся, не желая лгать, — да, говорит, что лихорадка ушла! Осталось немного потерпеть, и все.

— Ты обещал взять меня домой, в Гй́ллу Тхан, — тихо проговорила девушка.

Хирам молча кивнул. Разлепил пересохшие губы.

— Террасы там из белого камня и спускаются к самой воде, — начал он. — А по утрам солнце освещает город с моря, и кажется... кажется, будто купола светятся. И еще, на Новый Год... крестьяне везут в город первые цветы. Все улицы увешаны разноцветными гирляндами. Я обязательно покажу!

— Обещаешь? — вновь улыбнулась Кассима.

— Обещаю!

Он покрепче сжал ее ладонь.

— Через две луны моя учеба кончится, — он говорил мягко, точно рассказывая ребенку сказку. Кассима закрыла глаза и, казалось, снова засыпала. — Мы возьмем носилки и дюжину чернокожих слуг, и будем останавливаться у каждой почтовой станции. И все начнут гадать: что за прекрасная госпожа едет с таким эскортом? А молодые вельможи будут твердить, что они лучше какого-то мага...

— Это будет весело, — сонно вздохнула она. Маковое молоко, которым напоил ее лекарь, начало действовать. Голос Кассимы стал вялым и едва слышным. — Только ты почему-то не смеешься...

— Ну что ты! — юноша рассмеялся.

А спустя ползвона она погрузилась в сон и больше не просыпалась.

Огонек масляной лампы дрогнул, точно подмигивая сообщнику. Маг поежился и негромко притворил дверь. Он знал, что в имении никого нет. Он сам спровадил на ночь слуг и обошел каждую калитку, каждую дверь в особняке. И все же боязливо ежился, точно мальчишка, украдкой пробравшийся в кладовую.

Смешно...

Как будто достойный Хирам, глава обители и маг-защитник — куда-то делся. Как будто на смену пришел несмелый юнец, впервые потерявший голову от кокетливого взгляда... А, впрочем, почему «как будто»? Достойный Хирам — уважаемый маг и наставник. А тот, кто проглядывает сквозь его черты — и есть мальчишка.

Маг прошагал к окну и нарочито громко распахнул ставни. В небо над крышами Гиллу Тхан выкатилась крутобокая луна. Ночные птицы в саду выводили рулады.

Он долго готовился к этой ночи. Ждал, пока красная звезда И-Эр взойдет в созвездии Скипетра, что, как известно, сулит удачу магам. Следил за полетом священных птиц. Он ждал... А бледные лица на храмовых фресках смотрели на него с немым укором.

«Ну вот еще! — в раздражении подумал маг. — Сначала ты боялся слуг, а теперь что же — начнешь пугаться фресок?» Соленый ветер из гаваней прошелся по верхушкам крон, даже сад — и тот перешептывался, смеялся над хозяином.

По правде, ему было чего опасаться. Солнечный Владыка и Шакал Пустыни, Великая Мать и Небесный Писарь — все проклинали заклинателей смерти. Даже наставник чародея, человек старый и потому осторожный — не стеснялся в выражениях. «Извратители сути, вот они кто... — говорил он ученику, — извратители сути и могильные черви, если сможешь — держись от них подальше».

Хирам фыркнул, вспомнив надтреснутый голос учителя. Нет уж, прости наставник — но этот совет ушел впустую. Потому что вся наука не стоит того, чем поделился узкоглазый купец из Зкатных царств. Потому что он, Хирам, дал обещание. И твердо намерен его исполнить.

А ночь все посмеивалась: шепотом ветвей, шелестом ветра, далеким скрипом галер в порту...

Знаки и символы давно начертаны — маг нанес их заранее, чтобы в последний миг было некуда отступать. Белый круг, перечеркнутый крест-накрест. Осторожно ступая меж линиями, Хирам встал в центр и закрыл глаза. Позволил куполу силы сомкнуться, приглушить звуки.

Три капли миррового масла: одна на лоб и две — на ладони. Они прояснят мысли и подготовят его к испытанию. Из памяти выплыли широкая постель и терпкий травяной запах. Обещаешь?..

Хирам опустился на колени.

Сперва он повернулся лицом к югу и коснулся лбом пола.

— Гралкát, владыка солнечных песков и илистых озер, повелитель царства Ростáу, — негромко заговорил маг. — Снизойди до раба твоего, защити и спаси в моем походе...

И на конце одной из линий — забила, запульсировала энергия. Пальцы чародея онемели и перестали чувствовать холод каменных плит.

Затем он обратился в сторону великого океана.

— Аамлát, повелитель бурь и полководец ливней, господин царства вод Мáну. Внемли слуге, даруй мне мощь и силу!

По жилам побежало игристое вино, на вздох-другой мысли затуманились и вновь прояснились. Теперь север...

— Шáлвет, отец ветров и всех семи небесных сводов, повелитель царства Áмент... Услышь слугу, одари своей милостью в эту ночь!

Холодный воздух коснулся разгоряченного лба мага. Последняя, четвертая линия.

— Незерát, владыка яростного пламени и всепожирающий, минуй меня этой ночью.

На сей раз Хирам не чувствовал ничего. Разве только мерное, как стук сердца, биение по ту сторону заслона. Сила струилась по спирали к центру круга, пронизывала рисунок по меловым линиям.

Маг никогда не думал, что первая же, самая простая часть замысла окажется такой сложной. Не просто произнести слова — а открыть врата: в себе, внутри, и по капле цедить оттуда чары. И если это первый шаг — чем же тогда обернется следующий?

Отступить было поздно. Он воззвал к Царствам и произнес имена. Неверное движение, и дрожащая за кругом мощь разорвет его в клочья.

Медленно, стараясь не повредить рисунок, Хирам вытянулся на полу. Повозился, принимая удобную позу. Уставился на огонек светильника. Словно чувствуя разлитую в воздухе силу, тот дрожал и приплясывал на кончике фитиля. Хираму казалось, комната наполнилась запахом благовоний. Обещаешь?.. Он хотел ответить, но уже скользил в транс, и слова застревали в горле. Мир уплывал от него, только огонек в конце длинного темного туннеля все танцевал, танцевал, танцевал...

«Изнанка видится тебе такой, какой ты хочешь ее увидеть», — говорил наставник, и Хирам, тогда почти ребенок, вслушивался в каждое слово. Можно ли было слушать иначе? Духи. Изнанка. Через эти слова пролегает рубеж меж магами и простыми смертными.

С тех пор Хирам успел стать чародеем, обзавелся собственными учениками и побывал здесь дюжину раз — но каждый поход оставлял его в недоумении: «Неужели я хочу видеть *это*?»

Вокруг простерлась Гиллу Тхан — словно полотнища из газовой ткани. Город призраков. Купола храмов и крыши бань, арки дворца и базарные навесы колыхались на невидимом ветру. Луна стала бледнее и... тоньше. Точно затершийся медяк.

И, конечно, шепот. Движение силы. Кто видит краски, кто чувствует запахи... Хирам слышал неумолчный шепот, который преследовал его повсюду.

«Не отвлекайся, — напомнил себе чародей. — Ты пришел за Кассимой».

Чтобы покинуть дом, не нужно было петлять залами и коридорами. Здесь, на Изнанке, Хирам прошел сквозь стену и сразу очутился в саду — таком же сером и призрачном, как зал до него. Не глядя по сторонам, маг брел сквозь тени деревьев, тени стен, отпечатки мыслей и страстей. Сила шептала или, верней, нашептывала: не то грозясь, а не то увлекая его за собой.

Маг не выбирал дороги и не боялся заплутать. С Изнанки можно не вернуться, но не найти пути назад нельзя. Наставник говорил, что в этом мире тропы ищут смертных, а не наоборот.

Другое дело, что даже здесь бывают встречные и попутчики.

Поначалу Хирам не обратил внимания на тень, что не спешила убратся с пути. Он вознамерился пройти мимо, но тень заступила дорогу. Слишком четкая, слишком человеческая, чтобы быть отражением.

Маг? — успел подумать Хирам. Нет, вряд ли. Изнанка опасна, здесь каждый думает только о себе.

«Кого-то ищешь?» — слова звучали в сознании, как будто рябь по мыслям.

«Ищу, но не тебя».

«Конечно, куда мне. Мне-то, дряхлому старику...»

Там, в другом мире, это был смешок. Здесь он звучал безлико и бледно. Но чародею сделалось не по себе. Дух? Изнанку населяют тысячи, мириады духов, но большая часть подобна животным. А маги на Изнанке не бывают такими... тусклыми. Точно выпитыми до дна.

«Я бы сказал, мертвому старику, — продолжило существо. — Но *она* тоже мертва. Ты ведь за ней пришел, так?»

Хирам отступил на шаг. Как торговец, что угодил на безлюдном тракте в переплет — так и он искал спасения. И так же тщетно. По ту сторону были окраины. Отражения заборов и глухих, обмазанных глиной стен.

«Кто ты?»

«Я говорю — старик. Просто мертвый старик...» Удивительно, как лишенное всего человеческого существо смеется.

«Я понял, что мертвый. Кто ты?»

...обмазанные глиной стены, улица, словно полоска пыльной ткани — и люди. Боги, целый муравейник нищих и обездоленных! Но они там, а он тут, он может делать что взбредет в голову, а они даже не увидят мага. А если б и видели... развернись колдовская схватка в трущобах, чернь бежала бы без оглядки.

«Не узнаешь? — смешинка стала колкой, злой. — А я-то надеялся на теплую встречу».

Ш-ш-шавка, ш-ш-шакал, шептали потоки силы. Хирам вздрогнул. «Никогда не говори с духами», — наставлял его учитель, и маг подался к одному из потоков, зачерпнул силу.

Дорога дрогнула под ногами. И без того колышущиеся стены зашатались пуще прежнего, вал силы прокатился по улице и стих вдали. Серая фигура все так же стояла у мага на пути.

«Ты стал нетерпелив, — сказал дух. — Я не любил церемонных приветствий, но если хочешь... Дстойный Зерéб, ученик Тиссáра, о дстойный Хирам, ученик Зереба».

Хираму показалось, что тень поклонилась. Показалось даже, что стена силы, которую он бросил в духа, возвращается обратно. Земля вновь дрогнула, сквозь призрачные стены проглянула бесцветная бездна — настоящий облик этого мира.

«Что... что ты хочешь? Остановить?»

«Остановить... да, пожалуй. Я не стану хватать тебя за руки, но отговорить попробую. Я ведь ждал, что ты придешь. И, как видишь, не ошибся».

«Ждал? Все эти годы?»

«Мальчик, что такое несколько лет? — Хирама передернуло от позабытого обращения. — Я совершил ошибку, недоглядел. А когда увидел, что ты не дал ей умереть... только глупец не понял бы, что ты за ней придешь. Рано или поздно. Когда научишься».

«Что, что ты можешь мне сказать? — теперь, когда маг узнал наставника, страх прошел. Облегчение было таким острым, что будь у него тело, Хирам бы рассмеялся. — Проклянешь меня? Назовешь извратителем сути?»

«Нет, просто хочу предостеречь».

Даже шепот силы — и тот изменился. Слуш-шай, слуш-шай, шептала она.

«Этот мир меняет смертных, — между тем, говорил наставник. — Здесь нет городов, нет рек... только сила. Отсюда ты черпаешь ее для чар. Еще здесь нет людей. Только духи. Духи того, что там было бы реками и горами. Духи, которые пожирают других духов и охотятся на таких, как ты. Скитальцев. Здесь нет места памяти, любви или что ты там еще придумал. Только сила и больше ничего».

Слуш-шай, слуш-шай... Хирам пытался не замечать на шепот, пробовал вспомнить аромат благовоний — но здесь, на Изнанке, нет запахов.

«Ты не дал ей по-настоящему умереть. Привязал к месту. Она блуждает среди духов: у нее нет разума, нет другой жизни, кроме силы. Она купается в ее потоках, питается силой. Или, может, она стала хищником... я не знаю. Но могу сказать точно — она не вспомнит тебя».

«Ты меня помнишь».

«Я маг», — коротко ответил призрак.

«Был магом».

«Был, — согласился наставник. — А она была служанкой. Доброй и преданной, да. Но этого мало».

«Она вспомнит, когда я ее верну», — ответил Хирам.

«Может быть. Да, память может пробудиться. Но, пойми, она не станет человеком. Она будет выглядеть, как человек, вести себя, как человек... Она будет очень хорошо притворяться. Но внутри останется духом. Для нее не осталось ничего, кроме силы. И для нее ты лишь сосуд...»

Голос духа стал тихим, едва слышным.

«Ведь она попробует убить тебя, знаешь? Утащить к таким, как она...»

Хирам упорно молчал.

«Не верю, что ты не подготовился к походу! — вдруг разозлился дух. — Я знаю тебя. Ты изучил все, что нашел. Выспросил всех, кто мог помочь. Ты слышал о веке ведьм, знаешь, что мертвые тянут живых к себе».

«Я и сам маг, смогу узнать, любит она или притворяется».

«Не ходи, — настаивал учитель. — Она грезит силой, живет силой, любит ее... Ты не человек для нее... вместилище. Она выпьет тебя ради силы».

«Я должен видеть, — упрямо произнес Хирам. — Увидеть и решить сам».

«Не ходи! — повторил наставник. Голос его стал глуше, тише. Мага трясло от его слов. — Только сила... больше ничего... сила...»

Чародей не заметил, когда дух изменился. Поначалу он вообще ничего не понял. Просто бесцветная мгла вдруг стерла улицу, и собеседника, и даже блеклую луну. Мгла была холодная, как горный лед, и словно живая. Шепот Изнанки, который всегда страшил Хирама, внезапно смолк.

Тогда-то маг почувствовал, что силы вытекают из него, как из прохудившейся бочки. Он рванулся прочь, но туман не отпускал. Смутные, расплывчатые образы мелькали по краю сознания. Наступившая тишина пугала больше непрерывного шелеста.

«Учитель?» — крикнул Хирам. Голос утек в туман, канул во мглу.

Он никуда не делся, вдруг понял Хирам. Либо стоит в стороне, либо... мгла и есть достойный Зереб. Хищники, вспомнил он, духи, которые охотятся на других духов... и пожирают таких как ты, скитальцев.

Мысли ворочались вяло и были рваными, словно наполовину проглоченные шевелящейся массой. Проклятье! Никогда не говори с духами... а ведь старик говорил ему, еще при жизни.

Хирам собрал все, что у него осталось. Бросил во мглу. Устремился следом. Он стал клинком, сосредоточился на единственной мысли. Вырваться. Выжить. Сбежать...

Мгла исчезла так же внезапно, как появилась. Вместо нее остался сгусток теней. Даже не человек — скорее, воющий комок. Он улепетывал, и Хирам не стал его преследовать. Маг слушал шепот и не мог надышаться.

Призрачные стены колыхались, а в небе у истертой луны сновали духи.

Он нашел подходящую тварь за городом, у фонтана силы, который по ту сторону был чистым родником. Существо и впрямь оказалось животным — в той мере, в какой это слово применимо к духу. Оно пыталось бежать и брыкалось даже когда Хирам сковал его волю. «Неси», — приказал маг, и оно понеслось. Так, будто надеялось сбросить седока по пути.

Чародею не хотелось размышлять. Его наставник стал хищником? Или пытался его остановить? Или то вовсе не учитель? Среди духов есть и такие, что читают в головах своих жертв. «Морок. Это был морок», — уверял себя Хирам, и сам же не верил.

Серый мир казался неподвижным. Внизу, под ним, тянулись ветвящиеся вены: потоки силы или просто реки. То здесь, то там мелькали огоньки — другие маги прибегали к Дару или то были храмы, окруженные холодным ореолом. Чародей не успевал приглядеться. Потом дух принял новую форму: теперь он напоминал поджарое чудище с доброй дюжиной длинных лап. Хирам радовался, что не видит со стороны себя.

Маг наслаждался возможностью ни о чем не думать и не гадать о встрече, но все хорошее когда-нибудь кончается. Дух начал снижаться, внизу проступили очертания городка, где он проходил ученичество. Маг не был здесь с тех самых пор и теперь с трудом узнавал паутину улиц. Дом, где обитал наставник, казался размытым и едва угадывался в хаосе сменяющихся форм.

«Ты свободен», — бросил духу Хирам.

Стоило снять удавку, как тварь припала к земле и сжалась перед прыжком. Длинные лапы взрыхляли дымчатую пыль. Боги, сколько же их, этих лап! Дюжина? Две?

Маг застыл, не смея показать страх. Зверю нужно смотреть в глаза. Не отступая.

«Ты свободен», — повторил чародей. Дух коротко вскинулся, походя мазнул его щупальцем силы и кинулся прочь. Точь-в-точь животное, что обратилось в бегство.

Хирам осторожно опустил защиты.

Время его подходило к концу. Не то задержал разговор, не то с самого начала маг переоценил свои силы... Все его естество ныло, как перетруженные мышцы. Между душой и далеким телом протянулась невидимая дрожащая струна. Не найти путь назад нельзя — вот только успеет ли он? Хираму не хотелось думать, что струна может оборваться.

«Тем больше причин поспешить», — подумал маг и ускорил шаг.

То и дело ненастоящие ноги по щиколотку проваливались в ненастоящую дорогу. С каждым шагом из-под подошв поднимались облака тумана. Будто бы и впрямь пыль... Это не туман, понял Хирам, просто его сознание скоро не удержит мираж города, и сквозь него проступит истинный облик Изнанки. Маг старался не глазеть по сторонам без нужды.

Вот дом наставника, еще более прозрачный, чем прочие. Сквозь туманные двери — лимонного дерева, с охотничьими сценами — Хирам видел прихожую и лестницу. Он не стал делать крюк ради входа — прошел через побеленные стены. Через прорехи в полу на него смотрела бездна.

На пороге покоя Кассимы Хирам остановился. Уж эту-то комнату память сохранила, как она была: островок красок в мире призраков. Широкая постель казалась еще шире — целая равнина, застланная покрывалами. Медные бока жаровен слепили глаза, а светильники никак не могли разогнать полумрак — тени отпечатались в памяти, став живее, чем сам Хирам.

«Обещ-щ-щасешь? — шептал полумрак. — Ты обещ-щ-щасешь?»

Здесь, в этой комнате — начиналась его погоня. То, ради чего он жил все эти годы... А ведь до него никто не делал подобного. Во всяком случае, Хирам ни о чем таком не знал.

Кто-то, когда-то — сказал, что маги подобны гончим. Истинная правда: ведь сила каждого особенна. Стоит завидеть знакомый цвет, почуять след — и он выведет к цели, как охотничьего пса. Медленно, осторожно — чародей опустил призрачное тело на пол. Совсем как в своем особняке. Только вот здесь он не мог закрыть глаза. Изнанка шептала, Изнанка говорила с ним, и в ее голосе Хираму слышались проклятия.

Наконец, послышался знакомый звук. Так чародей и слышал возлюбленную: не то стеклянные бубенцы, не то голос ветра в праздничных гирляндах... Мгновение — и перезвон стих, скрывшись вдали.

«Кассима? — крикнул маг, понимая, что его слышат все обладатели Дара в округе. — Кассима?!»

Колокольцы в последний раз звякнули и умолкли.

Мгновение страха сменилось уверенностью, что он услышит ее вновь. Маг слишком далеко зашел, чтобы повернуть назад. Не замечая ни растущих в стенах дыр, ни города, что почти погрузился в сероватую мглу — он блуждал по комнатам, вслушиваясь в бормотание силы.

Колокольцы молчали. Изнанка наполнилась звуками: обрывки мыслей, отголоски желаний, молитв — но тонкий перезвон не мог сквозь них пробиться, а может просто ждал. В одном маг не сомневался: колокольцы вернуться.

Наконец, Хирам выбрался на крышу — к этому времени дом наставника превратился плот, плывущий среди бесцветного тумана. Тогда-то он и услышал... нет, не звук. Скорее, тень звука.

Первым порывом было устремиться следом, но в последний миг Хирам засомневался. Заборы, дороги, крыши — они бледнели и растворялись, рассеиваясь в подступившем киселе. Изнанка поглощала город, как вышедшая из берегов река. Пока еще он мог вернуться — струна гудела и трепетала от напряжения, но указывала направление. Но если он не поспешит...

Изнанка сама разрешила сомнения. Подобно порыву ветра, поток силы толкнул мага и понес прочь, над бескрайней серой равниной.

«Ты безумец! — твердил Хирам. — Ты не вернешься... поверни!» Словно в подтверждение, последний островок воспоминаний — дом — растворился в бесцветном мареве. Но колокольцы звали его, и голос стал, как будто, громче.

Поток, что толкнул его в погоню, давно иссяк, но Хирам словно нашел источник силы в себе. Или его вела другая сила? Он не заметил, когда призрачное тело начало растворяться вслед за городом.

«Как я скажу ей? — думал маг. — Узнает ли она меня?» Он хотел вспомнить, что собрался сказать, но мысли путались. Слишком далеко... Наверное, это подступало безумие, кружило, пока не решаясь приблизиться.

Потом вдруг пришел голос наставника. «Ты слышишь? Я предупреждал. Она ведет тебя. Ты слышишь?»

Хирам слышал, но не ответил. Чем дальше он гнался, тем яснее чувствовал, что мысли мешают. Как груз, они тянули к земле, заглушая зов. Хирам продолжил погоню, отбросив их прочь. Мысли растворялись: как дома, как улицы, как его тело — уступая месту серебряному перезвону.

И все же настал миг, когда чародей остановился. Он сам не знал, как это почувствовал. Просто стало... поздно. Он перешел рубеж, когда не успеет вернуться. Струна подрагивала, словно в агонии, но без прежней настойчивости.

Впервые за долгое, очень долгое время, Хирам огляделся. Вокруг не осталось ничего, даже тумана. Просто бездна. Изнанка. Потоки силы, неизменно текущие по своим путям. У каждого из них был голос, они о чем-то шептали, но маг не разбирал слова.

Перезвон манил, то становясь громче, а то стихая вдаль.

Хирам усмехнулся. Понимание пришло просто: да, не успеет. Погоня потеряла смысл. Он не только не вернет Кассиму, но и сам не вернется. Осознание не принесло беспокойства. Быть может, то и были первые следы безумия. Да, наставник предупреждал. О чем? Хирам вдруг понял, что не просто отбросил мысли. Он выбросил их. Напрочь. Он помнил хищника, маг не успел изгнать тварь из памяти. Наверное, учитель пытался испугать его, но что он говорил?

Смерть, как бы она ни выглядела на Изнанке, не спешила. Из остатков силы Хирам соорудил камень, на который можно усесться. Крошечная точка цвета в пустоте. Отчего-то так было проще ждать.

Кассима, повторил он. Единственное, о чем он жалел — что так и не догнал ее. Кассима...

Он вновь представил ее себе. Не такую, как в ту, последнюю встречу. Тени кипарисов ложились поперек дорожки к дому, и в свете луны чадра делала ее похожей на призрака. И профиль в свете масляной лампы. Губы, влажные после глотка вина. Эти последние... часы? минуты? — он хотел посвятить ей. Забылась даже смерть. Словно циркач на канате, он шел по дорожке воспоминаний, стараясь не замечать все прочее. Не тратить последних капель времени.

И тогда-то, когда он все позабыл — она пришла.

Он не увидел, просто почувствовал ее присутствие. Холодное, знакомое прикосновение. Это оно и есть, подумал маг — «и они воссоединились за гранью смерти». Или же она пила его силу?

Мимо пронеслась ее жизнь: детство, юность, служение в доме престарелого мага. Болезнь... Хирам вдруг понял, что видит пустоту, одинокий камень и себя на нем — не своими, а ее глазами.

Потом наступила темнота.

*Другие произведения автора, а также его статьи
и дополнительные материалы о мире Анхар
вы найдете на сайте:*

Vsevolod-Alferov.ru